

Заметки по диалектике

Статья третья

© Черняков С. Ф.

© Chernyakov S.

Заметки по диалектике. Статья третья

The notes on dialectics. Article third

Аннотация. Проанализирован ряд узловых проблем соотношения материального и идеального, показаны практическая роль народа в историческом развитии и необходимость постоянных усилий по комплексному развитию личности.

Annotation. A number of key problems of the relationship between the material and the ideal are analyzed, the practical role of the people in historical development and the need for constant efforts for the comprehensive development of the individual are shown.

Ключевые слова. Dialectics, Marxism, socialism, communism, history, ideology, political economy.

Key words. Диалектика, марксизм, социализм, коммунизм, история, идеология, политэкономия.

К вопросу о природе идеального

Все споры в марксистской среде о соотношении материального и идеального, о сущности идеального только уточняют, конкретизируют «пропорции» материального и идеального в каждом отдельном случае: наблюдается «восхождение от абстрактного к конкретному». Попытки четко вычленить идеальное, отделив его от материального, не только не плодотворны, но и обречены на провал. Ибо эти две категории, два процесса объективного мира настолько взаимосвязаны, что любая дифференциация может быть лишь частичной, дискретной, относительной. Категории «идеальное» и «материальное» имеют в философии весьма определенную функцию — разграничить материализм и идеализм в онтологической и гносеологической сферах. В. И. Ленин недвусмысленно пояснял, что вне основного вопроса философии противопоставление материального и идеального относительно [7. С. 151].

Окончание. Начало см.: Свободная Мысль. 2018. № 3; 2020. № 2.

ЧЕРНЯКОВ Сергей Феликсович — кандидат исторических наук.

Суть идеализма — в конструировании «мира навыворот», в постулировании общей, *всеобъемлющей, начальной* первичности идей, идеалов по отношению к объективному материальному миру; в игнорировании, искажении реальных (материальных) причин человеческой деятельности, а следовательно — происходящих в мире процессов. Все это создает для человека ложные ориентировки, формирует ошибочное мировоззрение и в конечном итоге встает на пути прогресса. В остальном идеальное — *необходимая и закономерная производная* от человеческой материальной деятельности, которая, в свою очередь, *затем* сама может иметь и имеет первичное значение для последующей преобразовательной деятельности. И попытка определить в каждый конкретный момент, что первично: «курица или яйцо», — чистая схоластика.

Свобода и необходимость

В советской философии относительно этой проблемы констатировалось известное гегелевское изречение о свободе как осознанной необходимости. С перестроечного периода началось недialeктическое противопоставление этих двух категорий. На основании чего делался вывод о «непонимании», «подавлении» свободы в марксизме. Между тем этот вопрос в марксизме (в первую очередь в плане парадигмы решения) поставлен значительно глубже и шире, нежели кажется на первый взгляд. Причем эти глубина и ширина определяются не только марксистскими (а точнее, материалистически интерпретированными гегелевскими) тезисами о свободе и необходимости, но и всей марксистской философией.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс прямо отмечает, что свобода заключается не только в познании необходимости, но и в основанном на этом познании «господстве» человека над природой. (Под «господством» следует понимать, конечно, не бездумное подчинение природы, а экологически разумное использование и преобразование природных объектов и ресурсов на благо человека, но не в ущерб природе.) Кроме того, Энгельс прослеживает историю движения человека от несвободы к свободе: «Каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе» [17. С. 112—113].

«Свобода есть осознанная необходимость» — это не застывшее, данное раз и навсегда определение, а диалектически развивающееся положение. Действительно, человек ограничен своими личными особенностями, природными законами, общественно-политическим строем. Но все эти компоненты не есть константа для всех времен и народов!

За тысячелетия своего развития человек значительно изменился физически и физиологически: он стал сильнее, выносливее, выше, умнее и т. д. Результаты в беге, поднятии тяжестей, работы мозга, которые еще 100—200 лет назад казались фантастикой, в настоящее время стали явью; т. е. там, где раньше люди были ограничены собственной природой, теперь они более свободны.

То же самое складывается с общественно-политическими установками. Полная несвобода человека в условиях рабства сменилась посредством прогрессивного экономического развития, длительной общественно-политической борьбы значительным, если не гигантским, расширением общественной свободы. Законы времен Навуходоносора и Хаммурапи, являвшиеся необходимостью, ограничивавшей свободу непреодолимой стеной для той эпохи, в наше время являются лишь предметом исторического исследования.

Даже законы природы, наиболее универсальные и абсолютные из всех, с которыми должен считаться в своей деятельности человек, историчны. Для первобытных людей грозы и молнии, ураганы и наводнения нередко являлись непреодолимой преградой не только для деятельности, но и для жизни. И на тот период развития человечества эти преграды были объективны и закономерны. Развитие производства и человеческой мысли, физических и интеллектуальных сил и возможностей людей, великий путь цивилизации от мотыги к трактору, от телеги к самолету, гигантское количество открытий и преобразований кардинально снизили зависимость человека от природных явлений.

Таким образом, постулирование тезиса о свободе как осознанной необходимости — не догма, не схоластическое изречение и априорная схема, а глубоко историческое, диалектическое понятие. Оно ни в коем случае не «заражено» фатализмом. (Мол, раз свобода ограничена естественными законами, то для максимальной ее реализации надо лишь изучить эти законы и не нарушать их.)

Сами законы по своей сути историчны. Это стопроцентно относится к законам общественно-политическим и в определенной (а в рамках одной эпохи — в значительной) степени может быть отнесено ко многим законам развития природы и человека. В таком случае главной задачей людей является изучение и понимание этих закономерностей, но не с целью очертить себе некую границу, за которую наша деятельность не имеет права выходить. Главная задача нашего познания должна заключаться в том, какие из закономерностей абсолютны, какие непреодолимы в данный момент или в ближайшее время, а какие мы в силах преодолеть, изменить.

Ибо сами законы — не метафизичные, абстрактные величины, стоящие над человеком. Люди своей жизнедеятельностью *включены* в формирование общественных и большинства природных закономерностей, *влияют на них, видоизменяют и трансформируют их*. Поэтому в рамках исторического развития под воздействием людей *изменяются* и сами законы. Меняется, *существенно сужаясь*, сама необходимость, ограничивающая свободную жизнедеятельность людей.

Если бы не было изменений в исторических закономерностях в результате неуклонной борьбы человечества, люди до сих пор жили бы в рабстве, пахали сохой и ездили на телеге.

О реакционной роли народа

В марксизме неудачи мирового проекта социалистического переустройства трактуются как показатель силы капитализма, его коварности и хитрости; несознательности народных масс, ошибок и оппортунизма лидеров рабочего движения. Это верно лишь частично.

Основной постулат классиков марксизма: народ (в первую очередь рабочий класс) имеет объективные устремления на свержение господствующего строя, который ему глубоко антагонистичен. «Все доньше существовавшие общества основывались... на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными... Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием... Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей» [12. С. 435, 431, 459]. В. И. Ленин искренне недоумевал, почему революционный большевизм не сумел проникнуть в культурную традицию рабочих масс Запада [6. С. 324].

Правда, классики марксизма никогда не «обожествляли» пролетариат. «...В оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение всего человеческого, даже от *видимости* человеческого, так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя» [13. С. 40]. Одновременно присутствует тезис о том, что социалистическое сознание может быть внедрено в пролетариат только извне. Таким образом, в ленинском тезисе уже видна мысль о неразвитости (в силу множества причин) народного сознания. Однако считалось, что, если объяснить народу его положение, он поймет, что необходимо делать [16. С. 110–113].

Но в силу многих причин народ *в большинстве своем*, как показывает более чем полуторавековая история социалистического, коммунистического движения, так и не сумел усвоить эти объяснения. И не просто был «мальчиком для битья» в условиях антагонистических обществ, но и сам вопреки своим истинным, стратегическим, но в угоду мелким, сиюминутным интересам был *активным участником, проводником* антигуманных, антисоциальных, нередко откровенно реакционных идей, движений, политических процессов.

Разве в древности крестьяне и ремесленники не участвовали в зверствах тиранов во времена их завоевательных походов? Разве в Средневековье простой люд не одобрял инквизицию, религиозный фанатизм? Разве в Новое время только по принуждению люди шли на войну и прославляли своих монархов? Возьмем XX в. Трудящиеся массы были в немалой мере опорой национал-социализма в Германии. А разве те же народные массы в большинстве своем не стали активными участниками разрушения СССР и социалистического лагеря? Не крестьяне ли помогали ловить Че Гевару в лесах Боливии? Наконец, лишь абсолютное меньшинство простых людей

поддерживало и поддерживает коммунистические идеи, являясь активными, убежденными и искренними участниками созидательных преобразований.

Не нужно идеализировать трудящихся, говорить о тождественности коммунизма интересам широких слоев населения. Это существует *в тенденции, в пределе, в целях* коммунистического движения, но никак не на практике. К сожалению, социальный опыт демонстрирует: даже широкое образование, верно выстроенная пропаганда передовых идей очень часто не доходят, не находят отклика в мыслях и сердцах людей. Посредственность просто не может этого понять. Это связано с сохранением у людей животных инстинктов, психологических, поведенческих рудиментов.

Другими словами, целью коммунистической идеологии на сегодняшний момент должен стать поиск *методов освоения коммунизма массами*. Иначе оказываются правы реформаторы всех мастей со своими идеями борьбы за частичные уступки в рамках существующего строя.

Практическое освоение советского опыта

Несмотря на все ошибки, противоречия, незавершенность, «реальный социализм», помимо решения практических задач улучшения жизни народа и строительства нового общества, сыграл еще одну важную роль. Социализм XX в. во всех его ипостасях, национальных, региональных особенностях дал будущему поколению революционеров и созидателей ценную практику, важнейший опыт.

Все великие открытия в науке и технике (создание новых лекарств, методов лечения, различные технические изобретения и достижения) осуществлялись методом проб и ошибок, обязательных экспериментов; постепенного, нередко многовекового продвижения к конечному результату. Причем и на данный момент в большинстве случаев и областей этот результат остается промежуточным, неполным; и останется таким еще на долгое время, а в некоторых дисциплинах — вероятно, навсегда.

Противники социализма неоднократно называли опыт построения нового общества «социальным экспериментом», вкладывая в это понятие исключительно негативный подтекст. Между тем капитализм, как и предыдущие общественные формации, проводил социальные эксперименты значительно жестче, опаснее, разрушительнее, длительнее. И только после них приобрел относительно «благопристойный» внешний вид. Но главное — капиталистические интересы, в отличие от социалистических, заключались не в формировании справедливого общества, а в создании наиболее эффективной системы извлечения прибыли.

Почему же социализм, преодолевая бешеное сопротивление прошлого во всех его видах, должен был «одномоментно» решить все проблемы, выйти на верный путь?! Основоположники марксизма обрисовали лишь *контуры* будущего общества, его *фундаментальные основы*. Остальное необходимо *разрабатывать дальше* (как в теоретическом, так и в практическом

ракурсах). Ошибки, зигзаги, отклонения, отступления на этом пути — такая же неизбежность, как неизбежность противоречий в естественнонаучной, технической сферах. Человеческое мышление и познание всегда и везде двигалось от незнания к более полному знанию. И не факт, что когда-либо оно сможет охватить все¹.

Поэтому ценность раннесоциалистического опыта в том и заключается, что он дает бесценные *наработки* социалистических общественных отношений, «ростки социализма», формы и методы, утвердившиеся в социальной практике, примеры созидания справедливого строя, разотчужденной личности. Социалистическая практика указывает направление дальнейшего развития: на чем остановились, что необходимо сделать по-другому, что не получилось; какие пути оказались тупиковыми, в чем и почему произошло отклонение от магистрального развития.

Таким образом, социалистический опыт прошлого века служит трамплином для нового прыжка в будущее. Без этого *отрицания отрицания* дальнейшее развитие невозможно. Ибо от пещеры и сохи до космоса и компьютера человечество двигалось не в одночасье, а по ступеням; и каждая предыдущая, пройденная ступень становилась обязательной, необходимой опорой для следующей.

Аналогичным образом происходило социальное развитие. Вероятно, ошибкой оказалось положение социалистической теории XIX—XX вв. о том, что капитализм в основном подготовил материально-технические и социальные предпосылки коммунистического общества. (Конечно, социализм рассматривался как некое промежуточное звено между капитализмом и коммунизмом; но все-таки в качестве звена весьма высокого уровня, первой фазы коммунистического строя.) Поэтому сроки социалистического строительства представлялись оптимистически короткими. «Кирпичи» капитализма, «громадная сила привычки» были явно недооценены.

Об обывательском восприятии культуры

Потребительское общество, мещанство, обывательщина стали неотъемлемой частью жизни и мировоззрения значительной доли наших граждан. В связи с этим специалисты отмечают общее падение культурного уровня, вакханалию постмодернизма, обращение к низкопробным образцам массовой культуры, упор на ее фрагментарность, развлекательный характер. «Культурную гегемонию одержал культурно-исторический тип, называемый мещанством. Он ненавидит культуру производства (например, со-

¹ В. И. Ленин отмечал: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»; «человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее “непосредственной цельности”, он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира» [7. С. 102; 8. С. 164].

ветскую культуру). Он противоположен творчеству, прогрессу, верности идеалам и социальной активности... Потребительский индивидуализм нейтрализует два рода глубины — глубины внутреннего мира и глубины доверительных отношений между людьми» [5. С. 132,133].

Однако помимо обращения большинства людей к развлекательному, «цепляющему», усредненному («среднему») культурному контенту в дегуманизации, в общей деградации человеческой культуры существует еще одна грань. Многие люди наряду с масскультурой прикасаются к элементам настоящего искусства, классики: ходят в театры на серьезные спектакли, посещают выставки передвижников, в зарубежных поездках интересуются архитектурными шедеврами. Что это: культурный релятивизм, амальгама подлинного (способного пробудить лучшие человеческие порывы) и наносного (необходимого для «снятия напряжения» после тяжелых трудовых будней)? Думаю, все несколько иначе.

Обращение, приобщение к культурной классике происходит для большинства неосознанно, без должной глубины, с восприятием *настоящего* на уровне фрагментарного, показного. В силу многолетнего господства в мире постмодернистской псевдокультуры люди в основе своей разучились думать, сопоставлять, отделять главное от второстепенного; воспринимать настоящее, подлинное во всей его многогранности, широте, объемности.

Образование и восприятие обывателя («грамотного потребителя») лишило его способности чувствовать настоящее искусство, литературу и прочее; вживаться в произведение, видеть в нем жизненный смысл, черпать в нем силы, вдохновение, мораль, мотивы будущей деятельности; учиться у героев и авторов, меняясь в лучшую сторону. А эти качества нужно прививать с детства.

А. С. Макаренко отмечал, что пассивное «потребление» искусства ради удовольствия ни к чему хорошему не приводит. «Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления; он “глазеет” и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайно незначительна, а иногда она обращается в большой вред... Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы и ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного-двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение» [9. С. 129—130].

Без силы мысли, чувства, духа, *без работы сознания*, закладываемого и формируемого в детстве, прикосновение к настоящему в культуре если

не бесполезно, то малопродуктивно. Подлинная специфика искусства, как отмечал Э. В. Ильенков, заключается в развитии универсальной человеческой способности — созерцать окружающий мир человечески развитыми глазами [4. С. 213—224].

Иначе высокое искусство становится для людей неким брендом, знаком принадлежности к «высшему» обществу². Формальным актом, тождественным просмотру сериала, участию в ток-шоу, посещению богемной вечеринки. *При таком подходе прикосновение к настоящему искусству остается лишь прикосновением, чем-то мимолетным, одноразовым, проходящим по касательной и не оставляющим значительного следа в мировосприятии.* Более того, настоящее искусство пытаются «ввернуть» в прокрустово ложе искусства «цепляющего», интерпретируя подлинное по законам наносного³.

Такие люди напоминают прилежного школьника, который хорошо учится «из-под палки», но ему это абсолютно не интересно; он спешит скорее отделаться от обязаловки, чтобы «зависнуть» в своем смартфоне. Искусство оторвано от сердца, собственного «я»; в лучшем случае — как хорошее выполнение своих профессиональных обязанностей (например, для артиста, великолепно играющего положительных героев, но в жизни исповедующего противоположные принципы).

Расщепленность сознания выражена и в отсутствии целостного мировоззрения, в котором великое и посредственное, при наиболее оптимистическом взгляде на вещи, спокойно соседствуют в мыслях и чувствах, не противореча друг другу; и великое занимает лишь небольшой кусочек мозга и сердца.

О чувственном восприятии и логике

Э. В. Ильенков отмечал, что эстетически неразвитый индивид не способен применять знания к живой конкретике [4. С. 213—224]. Если развить и дополнить эту мысль, можно отметить, что без чувственного формирования человеческой природы стать собственно человеком нельзя; и нельзя анализировать, исходя исключительно из логических построений.

Во многих вопросах аналитики, управления и прочего определить, насколько человек прав, насколько его действия продиктованы объективным содержанием, а не карьеристскими побуждениями; на сколько человек делает для общества, а не для себя (через общественную деятельность); действительно ли он работает для людей (при соблюдении всех формальных

² Во все времена верхушка общества путешествовала по знаменательным местам, посещала классические спектакли, ходила по выставкам титанов Возрождения. Однако сам факт того не делал ее заметно просвещеннее, гуманнее, интеллектуальнее.

³ Здесь можно привести пример с восприятием обывателем образа Э. Че Гевары. Для него великий революционер — это модный бренд, лицо на футболке, этаким прикол. Ничего большего такой человек о Че не знает и не способен понять.

правил, законов, инструкций и даже при сиюминутной отдаче, результате), можно, только обладая *всей гаммой человеческих чувств*, интуицией, воображением. Без чего (как в основном и было в советской истории) невозможно отличить искренность от фальши, общественное рвение от карьеризма.

Чувство собственного достоинства, уважения и любви к людям; презрения к любому чванству, высокомерию, мельчайшей лжи и позерству воспитываются в человеке и необходимы ему *так же*, как и приобретение знаний. Ибо в отличие от правонарушений и грубого аморализма (например, открытое унижение, оскорбление подчиненных) внутренняя человеческая (а точнее, *нечеловеческая*) гниль у умных подлецов настолько мимикрирует, что распознать ее только рассудком, не зная психологию, не обладая всем многообразием понятийного, познавательного аппарата, практически невозможно. Здесь нужно ее ощутить (а чувства, естественно, — тоже определенные знания о предмете, но знания иного плана), как чувствуешь собственную боль, предательство, болезнь близких.

Без силы воображения, т. е. «способности видеть то, что еще не выражено в понятии» (Ильенков), нельзя уловить, понять, что человек представляет собой на самом деле по его мимике, жестам, приветствиям, разговорам на отвлеченные темы, поведению во внеслужебное время. Это все то, что без чувственного знания (которое формируется и воспитывается на основе деятельного человеческого бытия) никогда не станет знанием аналитическим, логическим; предметом теории, наук о человеке. Иными словами, общая человеческая культура (которая, несомненно, включает в себя и чувственный, и нравственный, и эстетический аспекты) необходима для адекватной оценки того или иного события, отношения к определенной деятельности людей.

Почему к концу советского периода советской эпохи «наверху» в основном оказались карьеристы и проходимцы (а протискивались они во власть во все периоды советской истории)? Почему формалисты, чинуши, люди без твердых убеждений, эклектики и путаники оказывались у руля? В том числе и потому, что не было выработано четких критериев оценки деятельности, личности, мировоззрения тех или иных субъектов. А эти критерии должны включать в себя не только знания, профессионализм, но и глубину, искренность убеждений, глубину человечности и морали. А определить, «измерить» эти свойства человеческой души, характера невозможно, исходя только из «читаемой», логической, формальной стороны дела. Здесь важно не только анализировать, но и «читать между строк», видеть, чувствовать человека.

«...Надо обладать большим зарядом человечности, чувства справедливости и культа правды, чтобы не впасть в крайности догматизма, в холодную схоластику, в самоизоляцию от масс. Каждый день надо бороться за то, чтобы эта любовь к живому реальному человечеству превращалась в конкретные дела, в действия, которые служили бы примером, стимулом мобилизации» [15. С. 490]. Обозначенная проблема — не мелочь; или, выражаясь

языком Ленина, та мелочь, которая может при определенных условиях сыграть решающую роль.

Еще раз о применении диалектики

Теоретическое понимание диалектических процессов в мире не означает его верного применения на практике. Автомеханик с хорошей теоретической подготовкой, но без должного опыта работы на первых порах будет обязательно ошибаться при ремонте автомобиля. Кроме того, необходимо представлять его природную расположенность к данному труду, мотивацию, состояние здоровья и прочие факторы.

Понятно, что процесс диалектического познания намного сложнее, объемнее, многомернее природных явлений и технических действий. Наши стереотипы (как анализа, так и отношения к тем или иным вещам), чувства, эмоции, темперамент, воспоминания, воспитание, желания и прочее существенно влияют на процесс познания. «...Идеи, ...которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [10. С. 118].

Идеи и страсти как часть характера и мировоззрения невозможно исключить из инструментов познания, как невозможно исключить их из самого человека. Конечно, условный «человек в футляре», без эмоций, страстей, чувств будет независим от всего этого «груза» в своем познании; но при этом его познание останется куцым, однобоким, черно-белым.

Все, что прожито и пережито, генетическая предрасположенность к чему-либо сформировано и преломляется через улыбку мамы, первые услышанные стихи, детскую сказку и летний закат в пионерском лагере; первое, робкое и еще непонятное чувство любви; впечатления от дрессированных львов в цирке и игры актеров в театре. Все это не может не влиять на наше сознание, мысли, понятийный аппарат. В итоге складываются определенные убеждения, чувства, отношение к жизни, закрепленные модели поведения. Всегда ли они соответствуют адекватному отражению действительности? И разве только в этом заключена задача родительской заботы и внимания, искусства, дружбы, любви?! Только рациональное познание делает человека частичным, одномерным, «профессиональным роботом». И вредит масштабному, всестороннему анализу мира во всей его противоречивости, изменчивости, полноцветности.

Но если рассматривать теорию познания как диалектику, то это «полноцветное» восприятие может и уводить от сущности явления, формировать картину мира сквозь «цветные» очки наших представлений (естественно, не тождественных ему самому). Рассуждать в данном контексте о дифференциации обыденного, художественного и научного познания не всегда возможно. Подобная «дифференциация» означает разрыв чело-

века с самим собой. И если в познании на отвлеченные, напрямую не связанные с собственным бытием темы личность способна абстрагироваться от собственного «я», одновременно используя весь свой наработанный человеческий потенциал, то объяснение сюжетов, непосредственно или даже опосредованно затрагивающих бытие и сознание индивида, влечет за собой, как правило, определенную субъективность.

Простой пример. Потеря стариков-родителей. С точки зрения медицинской науки смерть в старости — естественный, объективный процесс. С точки зрения детей умерших — это несправедливость, нелогичность, роковое стечение обстоятельств. Наши чувства, эмоции, сложившиеся с родными людьми близкие отношения не готовы к подобному развитию событий; и они, по крайней мере в первое время, затмевают, затушевывают нам реальный ход событий, уводят его в сторону от объективности. И для самой что ни на есть интеллектуальной личности подобный «перегиб» закономерен. Более того, чем больше человек является собственно *человеком*, тем больше его сердце и душа развиты наряду с мышлением.

Конечно, с помощью воли, времени, интеллекта можно нивелировать эти «погрешности» в восприятии. Но не все, и не всем это дано⁴. По всей вероятности, относительность наших представлений о мире, обществе и самом человеке связана не только с ограниченностью человеческих знаний и когнитивных возможностей, но и с «биочувственной» природой человека.

Есть ли пределы у разума

Социальная среда, воспитание, общественные отношения, физиологические особенности индивида совместно создают «каркас» сознания и мышления, «переформатировать» который у зрелого человека часто не просто сложно, а невозможно. Те индивидуальные качества, которые закладываются в детстве и «шлифуются» в юности, являются фундаментом последующего когнитивного и психоэмоционального развития.

Если ребенок формируется в духовной, нравственной скудности, а отношение к людям в семье нацелено на внешние, демонстрационные стороны; если вокруг него — приоритет собственных «я», извлечение выгоды, то, став взрослым, такой человек будет в значительной мере закрыт от душевных переживаний, сочувствия, сопричастности. Если в семье (в первую очередь) нет культа мысли, стремления к серьезным размышлениям, выросший ребенок будет довольствоваться рассуждениями о сиюминутных проблемах, о том, что не выходит дальше его ближайших задач, и никогда не сможет подняться над ними.

Наряду с этим и вслед за ним формируются определенные стереотипы мышления, поведения, мировоззрения. Все это становится не просто

⁴ «...Субъективное, — отмечал известный советский психолог С. Л. Рубинштейн, — всегда являясь преломлением объективного, никогда не может быть вовсе обособлено от объективного» [14. С. 61].

фундаментом человека, производным от него, а его неотъемлемой частью, альфой и омегой его бытия. Преодолеть эти основы, возвыситься над собственным фундаментом становится для большинства людей невозможно.

Когда мы говорим об убеждении, агитации, пропаганде передовых идей, то возможности, эффект от таких действий сильно преувеличены. Сознание большинства людей не выходит за рамки обыденного, за круг личных, повседневных задач и интересов; а сформированные ранее представления и интеллектуальные способности не позволяют им абстрагироваться, выйти за пределы простой обывательщины. Лишь когда политика непосредственно входит в их быт (потерей работы, отсутствием квалифицированной медицинской помощи и т. п.), тогда обыватели начинают возмущаться и «интересоваться» «высокими материями». При этом выводы, которые они делают, все равно не выходят за рамки их мироощущения и мировосприятия.

Если, к примеру, близкий человек умер в больнице по вине медиков, то виноваты будут конкретные врачи и медсестры больницы N, а не государство, которое «оптимизировало» систему здравоохранения, сократив число поликлиник, больниц, специалистов, возложило на оставшихся врачей бешеную (в том числе ненужную, чисто формально-бюрократическую) нагрузку, уничтожило качественную систему подготовки кадров и проверенные временем принципы лечения и руководства здравоохранением, внедрило в сознание людей (и врачей в том числе) хищнический постулат «услуг» вместо долга и служения.

Человек не может научиться мыслить «вдруг», «сразу», как не может сразу поплыть на уровне участников чемпионатов мира или написать литературное произведение, достойное серьезного альманаха, если до этого он никогда серьезно не плавал и не писал больше, чем список необходимых к покупке продуктов. Поэтому размышления на высоком уровне будут для него чем-то внешним, чуждым, туманным — как агитация народников в среде крестьян в семидесятые годы XIX в.

Способность мыслить — это такой же постоянный, ежесекундный труд и такой же заложенный уникальный дар, как и достижение высоких результатов в спорте и творчестве. Без этих составляющих, без указанных основ для этих составляющих *любая аргументация будет разбиваться о глухую и непрístupную стену невежества, косности, ханжества, мещанства*. Именно поэтому во все времена только минимальный процент людей достигал даже относительных высот в различных областях науки и культуры. И еще меньший, самый минимальный — в сфере общественной, в сфере человеческой методологии и практики.

Не умеющий мыслить человек видит лишь внешние стороны событий и явлений, охватывает их форму вместо сущности, не способен сравнивать и обобщать. Его рассуждения в основном поверхностны и логически противоречивы. В них полностью отсутствует *глубина*. Очень хорошо это

явление в художественной форме описал Бальзак. «Как все ограниченные люди, госпожа Воке обычно не выходила из круга самих событий и не вдавалась в их причины. Свои ошибки она охотно валила на других» [1. С. 19].

К. Маркс отмечал, что «невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий» [11. С. 112]. В основе этого явления — общественно-экономические реалии общества, а «индивидуальную физиономию», выражаясь языком Г. В. Плеханова, оно приобретает в семье, личных биосоциальных особенностях индивида. Ограниченность во всем и вся, фрагментарное, оскопленное знание и есть синонимы невежества.

Ограниченный собственным жизненным опытом, традициями, стереотипами, знаниями человек заостеневает в этих догмах, и что-то иное многогранное, высокое кажется ему не просто недостижимым, ненужным, а неправильным, глупым, странным. Преодолеть эти границы — значит преодолеть в значительной мере самого себя; весь груз прошлого, ставший основой его нынешнего мировоззрения.

Ограниченный человек не тот, кто мало знает и ничего не читает, а тот, кто из знаний не делает адекватных выводов; не воспринимает, не усваивает информацию, идущую вразрез с его привычками и точкой зрения. Ограниченный человек — тип личности, который сужает свою жизнь до некоего относительно узкого и, как правило, «черно-белого» коридора, дальше которого его знания, ценности, чувства и мечты не простираются. Причем сам он зачастую не видит и не ощущает этих самоограничений, считая свой мир лучшим. Воистину горьковский Уж: «Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!» [2. С. 44].

Глупость — это неумение соединять знания воедино, видеть мир во всем многообразии, «человечески развитыми глазами». Это неумение вычленять из неправды и полуправды крупинцы истины, а из правды — ее ограниченные, противоречивые частицы. Неспособность к диалектике становится барьером к критическому мышлению и восприятию, но одновременно и защищает человека от осознания всех «свинцовых мерзостей» нашей жизни, от излишних размышлений и переживаний. Невежество — это игнорирование внутреннего за внешним, главного — за второстепенным. Невежество — это неспособность к развитию.

Методология мышления

Начальные знания и знания, личностный опыт, приобретенные в зрелом возрасте, различаются по характеру воздействия на личность. И дело заключается не только в возрастных, физиологических особенностях восприятия информации, становления сознания. *Первоначально знания становятся фундаментом, каркасом выстраиваемого мышления индивида.* Они «лепят» это мышление, формируют его структуру и особенности.

Затем, когда понятийный аппарат, сознание, чувственно-эмоциональная сфера уже сформированы, знания, новый личностный опыт, новые впечатления уже не «достраивают» наше мышление, а, наоборот, *перерабатываются им с помощью выстроенных системы представлений, логики, мировоззрения, жизненного опыта*⁵.

Поэтому зрелая личность уже по-иному смотрит на те же процессы и явления, с которыми приходилось сталкиваться ранее. Знания теперь в первую очередь анализируются во всей своей глубине и многогранности, благодаря наличию инструментов такого анализа и синтеза⁶. Хотя, конечно, новая информация, новый социальный опыт оказывают и обратное влияние на структуру нашего сознания, видоизменяя его индивидуальные особенности.

Если же категориально-логический аппарат не сформирован, человек по-прежнему (как и в начале своего становления) будет *не способен «связать» свои знания воедино целостным, диалектическим мышлением*. Знания и жизненный опыт останутся отчужденными от индивида, не воспринятыми до максимально возможного предела человеческого познания, не приносящими человеку тех преимуществ, которыми они обладают. Знания останутся оторванными друг от друга, а также от чувств и убеждений. Таким образом, человек, по сути, остается на начальной ступени своего развития.

Диалектическое мышление — это «нить Ариадны», ведущая от знаний к деятельности; это метод становления, размещения и переработки информации в человеческом мозге; это ключ к интеграции личности с социумом, миром в целом. «Диалектика — это наука о *законах превращения действительности в мысль* (т. е. о законах познания, о законах высшей формы отражения), а мысли — *в действительность*, т. е. о законах практической реализации понятий, теоретических представлений — в естественно-природном материале и в истории (курсив мой. — С. Ч.)» [З. С. 314].

Об отношении коммунистов к людям

Некачественно сшитый костюм, хамство продавца, гнилые овощи на прилавке, грубость медсестры, равнодушие учителя, кривые потолки в новостройке — это не просто бытовые, моральные недостатки при социализме, а в сущности своей антисоциализм, антикоммунизм, ибо все эти действия направлены против людей — первейшей клетки коммунистического общества и его созидания. И борьба с этими «свинцовыми мерзостя-

⁵ Проведу аналогию с естественными и точными науками. Немало химических элементов было открыто до создания Д. И. Менделеевым периодической системы; их изучали, знали, разрабатывали. Но до открытия метода их связи (периодического закона) полного представления о них у науки не было.

⁶ «Главное достоинство логики “Капитала”, — подчеркивал Э. В. Ильенков, — заключается... в ходе движения мысли от факта к факту по пути систематического углубления понимания их универсальной взаимосвязи» [З. С. 208]. В идеале, в пределе мышление зрелой личности должно двигаться по тому же пути.

ми» не менее важна, чем создание новых фабрик, городов, современного оснащения армии и проч. «Закрытие глаз» на эти явления, рассмотрение их в качестве второстепенных, формальность борьбы с ними наносили делу коммунизма не меньший вред, чем прямое антисоветское движение или сознательное вредительство, т. к. эти явления подрывали веру в новый строй, «размывали» его, постоянно консервируя и воспроизводя прежние, капиталистические отношения на всех «этажах» человеческого бытия и сознания.

Конечно, высокие цели ставить необходимо. Без сомнения, ради них (победа в Гражданской и Великой Отечественной войнах, индустриализация и т. п.) можно и должно жертвовать какими-то текущими интересами и потребностями людей. Но каждый конкретный человек при социализме должен чувствовать постоянную, ежесекундную заботу государства. Человек должен видеть, осознавать, что именно *он* нужен, именно для *него* свершилась революция и происходят сегодняшние преобразования. «Социализм, — отмечал Э. Че Гевара, — создается не просто для того, чтобы у нас были отличные фабрики, он создается ради целостного человека...» [15. С. 417].

Работа «впрок», только для будущих поколений, и при этом прозябание сейчас в долгосрочной перспективе не дадут нужного эффекта. Голого энтузиазма, как показала практика социалистического строительства, надолго не хватает. Абстракции всеобщего счастья в будущем останутся всего лишь абстракциями, идеализмом, утопией, если люди не почувствуют здесь и сейчас реального улучшения своей жизни и реального разотчуждения во всех сферах. При этом каждый человек должен являться целью, а не средством; пусть даже средством достижения высоких и благородных целей.

А иначе чем коммунистическая пропаганда будет принципиально отличаться от капиталистической? Ведь буржуазные лозунги, несмотря на все различия в зависимости от уровня развития производительных сил, типа политического режима, культурных особенностей и прочего также пропагандируют и обещают людям «светлое будущее». Понятно, что классовая сущность, выполнимость, реальные цели у этих проектов диаметрально противоположные. Но суть в восприятии людей может быть одинаковой: надрываться сейчас ради счастья когда-то в будущем...

Конечно, задача «распрямления» (термин А. В. Луначарского) человека может решаться при социализме только постепенно. Но одновременно она должна решаться перманентно. Любые ошибки партийного руководства, своекорыстие, гальванизация социального неравенства, догматизм, превращение человека в «винтик», а не двигатель процесса, малейший отход от гуманистического потенциала коммунизма губительны⁷. Ибо и современный капитализм может дать массам (их значительной части) определенный достаток. *Но только коммунизм может дать человеку самого себя.* И если этого не происходит, если социализм превращается в

один из «-измов», в одну из множества моделей, схем общественного переустройства, то люди не воспринимают данный строй как имманентно свой.

Для того чтобы человек был марксистом «с той же естественностью, с которой являются “ньютонистом” в физике или “пастерианцем” в биологии» [15. С. 135], теоретический и практический коммунизм должен пронизывать все клеточки человеческого бытия и сознания таким образом, чтобы конкретный индивид не представлял своей жизни вне коммунизма.

Литература

1. **Бальзак О.** Избранное. М. : Просвещение, 1987.
2. **Горький М.** Песня о Соколе // Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. М. : Наука, 1969. Т. 2.
3. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика : Очерки истории и теории. М. : Издательство ЛКИ, 2010.
4. **Ильенков Э. В.** Искусство и коммунистический идеал. М. : Искусство, 1984.
5. **Ильин А.** Аполитичность потребительского общества // Альтернативы. 2016. № 1.
6. **Краус Т.** Ленин : Социально-теоретическая реконструкция. М. : Наука, 2011.
7. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1968. Т. 18.
8. **Ленин В. И.** Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 29.
9. **Макаренко А. С.** О воспитании в семье. М. : Учпедгиз, 1955.
10. **Маркс К.** Коммунизм и аугсбургская “Allgemeine Zeittung” // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.
11. **Маркс К.** Передовица в №179 “Kolnische Zeitung” // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 4.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Святое семейство, или Критика критической критики : Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 2.
14. **Рубинштейн С. Л.** Бытие и сознание. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957.
15. **Че Гевара Э.** Статьи, выступления, письма. М. : Культурная революция, 2006.
16. **Черняков С.** Материалистическая диалектика: вчера, сегодня, завтра // Credo new. 2013. № 1.
17. **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг. М. : Политиздат, 1988. ◆

⁷ Снова процитирую Че Гевару: «мы не выполнили бы эту задачу адекватно, если бы стали только производителями товаров, сырья и не были одновременно созидателями людей... Мы боремся против нищеты, но в то же время боремся против отчуждения. Маркса волновали не только экономические отношения, но и их отражение в сознании. Он называл это “фактом сознания”. Если коммунизм отвлекается от фактов сознания, он может быть методом распределения. Но теряет характер революционной морали» [15. С. 417, 572].